

Маленький Гергиев-фестиваль

В Петербурге прозвучала Восьмая симфония Малера

Екатерина Ефремова
Санкт-Петербург

Валерий Гергиев, проведя два музыкальных вечера в Москве, на четыре дня вернулся в Петербург. Он исполнил «Хованщину» Мусоргского, «Реквием» Верди, «Турандот» Пуччини и Восьмую симфонию Малера. Причем эту симфонию Гергиев исполнил впервые – и на сцене Мариинского театра, и в своей дирижерской интерпретации. Случайно или нет, но все произведения оказались причастны теме смерти: «Реквием» уже сам по себе, а три остальных были созданы композиторами на пути ухода из жизни, «Хованщина» и «Турандот» даже так и остались неоконченными, и их завершали другие композиторы.

Программа эта оказалась на редкость точным «слепком» с сюжетов нашей жизненной реальности: «смутного» времени, «реквиемов» по невинно убиенным, чудовищных «загадок» терроризма и, несмотря ни на что, неистребимой христианской веры, любви и всепрощения. И ничего странного в том, что фестивалем камерного стала тема смерти – в наше время человеческая жизнь давно уже стала ходовой разменной монетой в политических играх.

Люди, как правило, предпочитают никому не демонстрировать свой ужас от чудовищной обиденности происходящего в современном мире. Гергиев, реальность ощущающий крайне эмоционально, нервно и экспрессивно, вольно или невольно, осознанно или подсознательно «продиржировал» свой (и всеобщий) ужас: от этого мира, в котором погрязло большинство христианских ценностей, от обиденности лика смерти в этом мире, от зыбкости надежды на то, что мир спасет любовь, если не христианская, то простая человеческая. С семейным уютom, рождением детей и тихим угасанием старости.

Гергиев начал с темы смерти, а закончил гимном любви.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

«Хованщина» – неоконченная «народная музыкальная драма» Мусоргского, завершенная после его смерти Римским-Корсаковым, а в середине прошлого века «дооркестрованная» Шостаковичем, безусловно, одно из любимейших произведений Гергиева-дирижера. Изысканное вокальное и визуальное разнообразие – раскольники и стрельцы, персидки и немки, да и безмолвное угрожающее появление Петра I – на этот раз звучало и выглядело на удивление гармонично, умиротворенно и спокойно.

«Реквием» Верди, напротив, звучал взнервленно, бурно-эмоционально и безысходно-трагично. Тяжелую горестность интерпретации Гергиева лишь усугубляла легкая постановочная театральность: тру-

ба, «издающая дивный звук среди гробниц всех стран», призывала на Страшный суд буквально из театрального зала, из-за спин слушателей.

«Турандот» Пуччини в постановке Шарля Рубо уже на следующий вечер обрушилась на публику неиссякаемым шквалом радостной музыки, сценических красок и режиссерских изысков. Гоцциевская сказка в драматическом театре, как правило, приобретающая мощный привкус политической сатиры, в театре музыкальном обратилась в любовную историю. Причиной странной привычки Турандот загадывать претендентам на свою руку и сердце загадки и за неправильный ответ отправлять их на плаху оказалась месть за поруганную честь своей прародительницы. Как писал сам Пуч-

чини, для этой оперы «нужна исключительная певица и тенор нешуточный»: на мариинской сцене удачно сошлись Ирина Гордей (Турандот) и Владимир Галузин (Калаф). Их финальный любовный «великий дуэт» звучал именно так, как желал этого композитор: два существа внезапно преобразуются силой любви; «и эта любовь должна властно захватить всех...» И в финале – гимн любви, солнцу, жизни.

Восьмая симфония Малера для трех сопрано, двух альтов, тенора, баритона, баса, хора мальчиков, двух смешанных хоров и большого оркестра возвращала к трагической сути бытия. «Симфония тысячи участников» самим Малером, с одной стороны, виделась как произведение вселенского масштаба, «симфония симфоний», финал

«сверхцикла», а с другой – со скромностью гения была посвящена любимой жене. Композитор ушел из жизни через восемь месяцев после того, как закончил это произведение. Эту одну из самых странных симфоний сравнивают с финальной «Одой к радости» Девятой симфонии Бетховена, говоря, что одна более земная, а другая – небесная.

А у Гергиева получилось так, что можно просто Малера цитировать: «Кажется, будто начинает звучать и звенеть вся Вселенная; поют не только человеческие голоса, но и вращающиеся планеты и солнце...» И горестность вердиевского «Реквиема» оказалась уравновешена благодатной радостью малеровской Восьмой симфонии. ■

Екатерина Ефремова – театральный и музыкальный критик.